

экономического положения семьи. Социальная цель предполагает также воспитание в ребенке поддержки, солидарности, взаимопомощи, толерантности, милосердия, ответственности и уверенности в себе. В конечном счёте, социальная цель образования ведет к созданию условий, в которых может сформироваться Человек.

1. Дубровина И. В. и др. Рабочая книга школьного психолога / Под ред. И. В. Дубровиной. - М.: Просвещение, 1991.
2. Фридман Л. М. О концепции школьной психологической службы // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 97-106.
3. Ескендинова А. О. К вопросу организации психологической службы. - М, 1990.

Потолков Ю. В. (г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)

ПРЕДУСЛОВИЕ «НЕМЕЦКОГО ЭЛЕМЕНТА»:

ТЕМА «РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДО XX ВЕКА

Предмет изучения, объявленный в названии сообщения, может вызвать сомнение: правомерна ли вообще такая постановка вопроса? Ведь взаимоотношения народов, государств осмысливаются гуманитарными науками, прежде всего – историей. Круг интересов художественной литературы лежит в иной плоскости. Исторические события для неё – лишь повод для выводов о состоянии общественной нравственности. Известно, к примеру, что Гамлет – принц датский. Но не это обстоятельство сделало трагедию Шекспира актуальной на все времена. Главное – в альтернативе: «быть или не быть?».

Литература в первую очередь – не «помощница идеологии» и не «иллюстрация к истории». Она – воплощенная в художественном образе интуитивная реакция личности на явления, угрожающие ей, а, следовательно, и человечеству – выживанию. Словесное искусство не столько отражение жизни, сколько сама жизнь, одухотворенный артефакт, законы которого мало изучены. Первопричина этого очевидна: исследователи конкретно-историчны и смертны, литература же вечна и бессмертна. Содержание всего мирового искусства можно выразить в одной аббревиатуре: «SOS!». Дело литературы – приводить человека в состояние работы совести, а не повторять банальные истины о том, что такое хорошо, а что такое плохо. Недаром в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк» звучит призыв, обращенный к поэту: «Глаголом жги сердца людей!». Красота сама по себе не способна спасти мир. Мир спасается человеком, приведённым красотой к покаянному преобразованию действительности, прежде всего – действительности собственной души.

То есть, приступая к осмыслению предмета «Тема «Россия и Германия» в художественной литературе», мы имеем в виду постижение тех моральных проблем, которые раскрываются в непосредственных текстах произведений. В данном сообщении мы предполагаем рассмотреть русскую литературу Древней Руси, XVIII и XIX веков. Нас интересует та нравственно-философская проблематика, которая выражена в сюжетах. Ставим перед собой две задачи. Первая из них касается тех произведений, в которых выражено предчувствие российско-германских исторических конфликтов XX века. Вторая задача – определить актуальность рассмотренного художественного материала для духовных поисков XXI века.

К изучаемому нами предмету в древнерусской литературе можно отнести произведения XIII века: «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году», «Сказание о житии Александра Невского» и «Житие Александра Невского». Соотнесенность этих созданий именно с XIII веком не случайна: в это столетие Русь, не имея еще сил для противостояния монголо-татарским полчищам, вынуждена была отражать нападения со

стороны агрессивных западных соседей. Духовная крепость была нужна русскому этносу в это время в особенной степени.

Литературе тогда было необходимо определить основные моральные ориентиры исторического движения нации. В «Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» идёт речь о Четвертой крестовом походе. По жанру это публицистика. Стиль «Повести» приближен к летописной форме, где необходимо как можно более точно соответствовать историческим фактам. Но суть произведения определяет не эта точность. Автора волнует нравственная антология происходящего.

В сюжете представлен немецкий цесарь Филипп – Император Священной Римской империи Филипп Швабский (1177–1208). Он выступает как мудрый и прозорливый руководитель: совместно с Палой Римским пробует удержать идущих ко гробу Господню от злодеяний. Призывает: «Не воюйте с Царьградом /.../ зло не причиняйте земле греческой». Как видим, здесь важен не национальный, а общечеловеческий акцент. Крестоносцы (судя по историческим данным – это немцы, французы и итальянцы) призывают Филиппа и Папы не вмешиваться: «Фряги же и все полководцы их думали лишь о золоте /.../ а что велели цесарь и папа, то забыли». Далее описаны бесчинства завоевателей по отношению к жителям Царьграда и к самому городу.

Таким образом, автор повести критикует не германцев как таковых. Ему претит корыстолюбие, побеждающее и человеке благородство души. Эта моральная нота знаменательна: вопрос о соотношении рациональной расчётливости и беззаветного личного посвящения во имя общественного блага в дальнейшем окажется определяющим в художественной литературе, разрабатывающей германскую проблематику. Уже в XIII веке было ясно, что Русь сможет защититься, если не будет подчинять себя сугубо материальным интересам. Так было, так и будет всегда.

В произведениях об Александре Невском описываются не только подвиги князя и его ратников, но и раскрывается сущность высказанной Александром мысли: «Не в силе Бог, а в правде». Враги, нарушающие этот канон, выступают как угроза духовному единству русичей. Ливонские рыцари хвастаются: «Покорим себе славянский народ», «Пойдём и победим Александра и захватим его». Такого рода явления восприняты в памятнике как неприемлемая для славянского этноса нравственная позиция. Недаром о ливонцах сказано, что они «опьянены безумием».

Князю не важна национальная принадлежность захватчиков. Вина нападающих, по его мнению, в нарушении воли Бога. Здесь, как нам кажется, важно учесть, что Бог – одна из ипостасей демиурга. Исходя из того, что демиург в переводе с греческого означает «мастер, ремесленник», можно назвать три демиургические проявления: Бог, природа, совесть. То есть враги Руси нарушают все эти три моральные экспоненты.

Библейская философия «Не в силе Бог, а в правде», произнесённая Александром Невским в памятнике, по сути, определила собою все духовные векторы германской проблематики в последующей русской литературе. Мировые конфликты последних веков (не только внеличностные, но и индивидуальные, внутридушевные) можно было бы метафорически выразить через понятия «сила» и «Бог». Приведём одну цитату о событиях совершенно актуальных: «Современная культура испытывает кризис /.../. Это касается жизнеориентирующей функции культуры – принципов жизнестроения, связанных с установками «прометеява человека», покорителя природы и истории, насаждающего инструментальное (технологическое) отношение к миру. Радикализация принципа инструментального отношения к миру, превращаемого в средство, породила, с одной стороны, жёсткие промышленные технологии, а с другой – социальные и политические технологии, угрожающие автономии человеческой личности» [1, 177].

Древнерусские произведения об Александре Невском «жизнеориентируют» всех тех, кому важна «автономия человеческой личности», то есть свобода и независимость российского Отечества. Князь в «Житии» победил врагов с помощью Божьей. Образ Господа выступает здесь не только как религиозный символ: Он – воплощение общечеловеческой правды. Правда не приемлет императивного тона: она императивна своей внутренней спасительной сущностью. Неправда не убедительна онтологически, поэтому стремится превратить мир «в средство»; её путь – сила. Таким образом, русско-германская проблематика в литературе оказалась средоточием тех цивилизационных перипетий, которые определяют собою судьбы и современного человечества.

В «Житии» Александр Невский сравнивается с «Давидом кротким». На Чудском озере встретились не только два войска, но и два направления мировой цивилизации. Применительно к предмету нашего разговора, можно утверждать, что в этом литературном памятнике германская военная сила воспринята не только как источник физического порабощения, но и как носитель миропонимания, чуждого славянскому менталитету. Эти выводы древнерусской литературы оказались весьма важными для словесного искусства позднейшего времени, в частности, XVIII века: эпоха Петра I и «птенцов гнезда Петрова» была пронизана идеями русского этносуверенитета.

Литература XIX века внесла в германскую проблематику кардинально новые акценты. Это был век реализма, а, следовательно, психологизма. В сюжетах появляются представители германского этноса, наделенные своим национальным менталитетом. Развиваясь в российском моральном окружении, этот менталитет испытывает сложнейшие драмы духа. Подобная ситуация наблюдается в сюжетной судьбе Германна – героя повести А. С. Пушкина «Пиковая драма» (1933). Он – обрусевший немец – пробует жить по законам, привычным для своей национальной традиции: «расчёт, умеренность и трудолюбие». Германн заявляет: «я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Офицер Томский замечает по этому поводу: «Германн немец: он расчётлив, вот и всё!».

Расчётливость Германна, по-своему, – выражение упомянутого выше характера «покорителя природы» (в данном случае – своей внутренней). Но интрига нравственного движения человечества состоит в том, что рационализм как таковой не способен адекватно реагировать на все непредсказуемые задачи жизни. Испытание, которое пришлось разрешать Германну, касалось такой особенности человеческой природы, как страсть. В его характере проявляют себя «сильные страсти и огненное воображение». Но эти проявления души только средства, только усилия. Важен духовный вектор. Германну средства показались целью: все «карты» своей жизни он бросил на погоню за мифическим богатством. То же сделали и крестоносцы в памятнике XIII века. Таким же оказался и их финал: счастье не обретено, общественное мнение воспринимает рациональных корыстолюбцев негативно.

Российско-германская тематика в литературе XIX века выступает в повести А. С. Пушкина как проявление конфликта между разумом и чувством, между «силой» и «Богом».

Изобразив драматическую судьбу Германна, русская литература продолжила поиски гармонии между победительностью и покаянностью, между технологичным и сердечным в человеческом мировосприятии. И. А. Гончаров в романе «Обломов» (1859) создал образ Андрея Штольца – молодого человека, который названные выше черты природы объединяет в своей душе гармонически. Сам писатель признавался, что видит в этом характере идеал человека, живущего правильно. В личности Андрея сказались семейное воспитание. Отец его – немец – обладал характером педантичным, суровым и даже несколько грубоватым. Мать – россиянка: натура сентиментальная, с тонкой душевностью, изнеженная. И те, и другие черты мы встречаем в личности Штольца.

Штолец, по сути своей – тот же Германн, но не спутавший средства с целью. Он облаго- рожен чувством одухотворенной дружбы и высокой любви. О душевной сути этого персона-

жа в романе сказано: «С одной стороны Обломовка, с другой – княжеский замок, с широким раздольем барской жизни, встретились с немецким элементом, и не вышло из Андрея ни доброго бурша, ни даже филистера». Выражение «немецкий элемент», судя по приведенной цитате, было понятно каждому тогдашнему реципиенту и очевидно присутствовало в арсенале самоосмысления русского этноса. Образ Штольца и отношение к нему И. А. Гончарова свидетельствовали о том, что и славянский менталитет, проявляющийся обособленно, не воспринимался художественной литературой в качестве эталонного.

И, тем не менее, становилось ясным, что сам по себе психологический облик той или иной нации не определяет качества личности. Решающим оказывается не этнический, а общеморальный вектор проявления индивидуума. Возвращаясь к фразе Александра Невского, можно сказать: главное – служить не силе, а правде. Русская литература XIX века, однако, феномен «немецкого элемента» чаще связывала с «силой». Знаменательны в этом смысле эпизоды из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», связанные с образом Христиана Христиановича Фогеля – управляющего имением одного из наследников помещика Шалашникова.

О менталитете русского крестьянина здесь сказано следующее:

А люди мы великие

В работе и в гульбе.

Приведённая поэтическая формулировка свидетельствует о сложнейшем переплетении в народном характере рационального и чувствительного, предсказуемого и непостижимого, созидательного и разрушительного, умеренного и стихийно несдержанного. Противоречивость народной души ни в коем случае не воспринимается здесь как свидетельство слабости или же ущербности: «люди мы великие». Немец Фогель далек от бездонности «великих людей», хотя «с ребятами, с девочками, сдружился /.../». Управляющему ясно, что в мировосприятии русского крестьянства есть черты ему, Фогелю, явно полезные: доверчивость, неподготовленность к восприятию двуличия, искренность в проявлении чувств и ожидание подобной же искренности от окружающих.

Но в расчётах Фогеля была ошибка, причём, ошибка роковая: он уверовал в непобедимость властной силы. Обманув лесной народ хитростью, заставив его прорубить просеку в лесу, логичный управляющий почувствовал себя в выигрыше, а свою победу над деревней воспринял как окончательную. В результате гордец окончил свои дни трагически: крестьяне закопали его живым. Просчёт Фогеля несёт в себе моменты общеисторические: в последующие века многим «управляющим» казалось, что «немецкий элемент» способен (по причине своей сугубой логичности) подчинить себе «элемент русский».

Глава, в которой описаны события с Фогелем, названа «Савелий – богатырь святорусский». Само это название воспринимается (в рамках исследуемой нами проблематики) как свидетельство извечно моральных интенций русской литературы в процессах этносуверенизации.

Названные интенции не могли не проявиться в творчестве такого знакового для русской литературы психолога, как Ф. М. Достоевский. В сложнейшие перипетии романа «Преступление и наказание» вплетена сюжетная линия Амалии Липпевехзелъ – хозяйки дома, квартиру в котором снимает семья Мармеладовых. В разных эпизодах отчество ее называется по-разному. То она – Фёдоровна, то – Людвиговна, то – Ивановна. Это обстоятельство тревожит Амалию. В сцене поминок по погибшему под лошадью чиновнику Мармеладову возникает перепалка между вдовой покойного Катериной Ивановной и Амалией: «...до сих пор неизвестно, как зовут Амалию Ивановну по батюшке: Ивановна или Людвиговна? Тут Амалия Ивановна, рассвирепев окончательно и ударяя кулаком по столу, принялась визжать, что она Амаль-Иван, а не Людвиговна /.../».

Разница в отчестве принципиальна. Амалия хочет выглядеть не совсем немкой. Ей важно объявлять себя в чем-то родственной той этнической обстановке, в которой протекает её жизнь. Итак, судя по приведенному эпизоду, «немецкий элемент» воспринимался в русском обществе как знак мироощущения если не чуждого, то, по крайней ме-

ре, несовершенного по сравнению со славянским. Резкое противостояние между Амалией Липпехвель и Екатериной Мармеладовой носит не только бытовой характер. Хозяйка дома тоже уповаает на эффект силы. Правда ей не нужна, поскольку при правде необходимо было бы проявлять милосердие, чувствительность сердца, поступать «нерационально», а, следовательно, экономически проигрывать. Ф. М. Достоевский, произведение которого пронизаны феноменологией стыда, утверждением двойничества человеческой природы, оказался тем мыслителем, который изобразил в литературе всю трагичность переплетения в натуре человека логических и стигийных начал.

То есть проблема германского строя души для русской литературы оказалась предметом исторического самоосмысления этноса. Исследователи отмечают об авторе «Преступления и наказания», «Братьев Карамазовых», «Бесов»: «...человек, по мысли Достоевского, в любых, даже самых неблагоприятных, обстоятельствах всегда в конечном счете сам отвечает за свои поступки. Никакое влияние внешней среды не может служить оправданием злой воли, любое преступление неизбежно заключает в себе нравственное наказание» [2, 457]. «Немецкий элемент» для духовных исканий русской литературы XIX века все больше выступает не как явление внешнее, а в качестве духовной особенности, присущей славянскому мировосприятию наряду с «элементом русским». Недаром исследователи отмечают сходство одного из героев Ф. М. Достоевского Ивана Карамазова («Братья Карамазовы») с Фаустом из трагедии Гёте «Фауст». Вспомним, что герой Гёте предлагает по-новому перевести начальные слова Библии: вместо «в начале было слово» читать «в начале было дело».

Русская литература XIX века, которая неуклонно приближала общественное сознание к моральной допустимости социального взрыва, несомненно, искала таких взаимоотношений между «правдой» и «силой», в душе человека, которые бы не унижали, а возвышали личность. Многообразие вопросов о том, что делать, и кто виноват, присутствие в литературе негибаемых Чацких, решительных Базаровых, и одновременно лейтмотивная роль милосердного «маленького человека» в словесном искусстве свидетельствовали о том, что западные и восточные начала в менталитете русского народа составляли основу нравственно-философской проблематики литературы.

Закономерно, что последним применительно к рассматриваемой нами проблематике, в русской литературе XIX века стал образ барона Тузенбаха из пьесы А. П. Чехова «Три сестры». Ему вроде бы известны пути оздоровления общественной морали: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку».

Но этот персонаж пьесы одновременно и мечтатель, который вряд ли решится на радикальные общественные преобразования. Он говорит одной из сестер Прозоровых – Ирине: «У меня тройная фамилия. Меня зовут Барон Тузенбах-Кроне-Альтшулер, но я русский, православный, как и вы. Немецкого во мне осталось мало, разве только терпеливость, упрямство, с каким я надоедаю вам. Я провожаю вас каждый вечер». То есть русская стихийность победила немецкий рационализм в душе Тузенбаха. Исследователи усматривают в характере этого героя черты близкие к психологии Штольца из романа И. А. Гончарова «Обломов». Русская литература до XX века не могла знать о тех исторических испытаниях, которые постигнут Россию и Германию в XX веке. Но с высоты сегодняшнего времени можно отметить: она эти испытания предчувствовала. Речь мы ведем сейчас не только о войнах, но и о поствоенных духовных взаимоотношениях двух великих этносов. Взаимоотношения, где слышны попытки покаяния, поиски взаимных духовных решений. Тема «Россия и Германия» для литературы продолжает оставаться актуальной, а в нравственно-философском смысле – пророческой.

1. Панарин А. О возможностях отечественной культуры // Новый мир, 1996. – № 9.
2. Мусский И. А. Сто великих философов. – М., 2000.